

П. ЧЕРВИНСКИ
Катовице, Польша

**ПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ
ПРЕОДОЛЕНИЙ И ПЕРЕХОДА РУССКОГО КОГНИТИВА
(на материале двух прецедентных сюжетов)**

Аннотация. *С точки зрения национальных стереотипов и реликтов обряда инициации подробно разбираются два важных для культуры прецедентных текста – «Колобок» (воплощающий инициацию мужчины) и «Гуси-лебеди» (посвященный инициации женщин).*

Ключевые слова: *когнитивная лингвистика; языковое сознание; национальный язык; репрезентативный текст; интертекстуальность; волшебная сказка.*

P. CHERVINSKY
Katowice, Poland

**SPATIALITY OF OVERCOMING AND TRANSITION
OF RUSSIAN COGNITIVE STUDIES (ON THE BASIS OF TWO
PRECEDENT PLOTS)**

Abstract: *From the point of view of national stereotypes and relicts of the ceremony of initiation two important for the culture precedent texts are discussed – "Kolobok" (representing initiation of a man) and "Gusi-lebedi" (devoted to initiation of a woman).*

Key words: *cognitive linguistics; language consciousness; national language; representative text; intertextuality; magic fairytale.*

1. Колобок. Предмет настоящего рассмотрения непосредственно связан с таким явлением, как языковое сознание¹ носителей определенной культуры², как той когнитивной и нормативно-ценностной, знаковой по своей природе, основы, которая проясляет себя при вербальных и невербальных манифестациях, отличающих по каким-то чертам и характеру представителей данной ментальности от другой, а также, шире, и языкового сознания другого национального языка, поскольку интересующей нас границей будет понятие национальных когнитивно-аксиологических представлений и национально-ментальных своеобразий.

Предмет, о котором речь, проявляясь в особенностях восприятия и порождения речи, пронизывая собой пространство вербального проявления носителей данного языка³, становится лингвокультурологически и прагматически значимым. Существовая и обнаруживая себя в виде знаний, предубеждений, оценок, логических построений, мнений и проч., т. е. единиц, имеющих смысл, построение, форму и функцию, данный предмет может рассматриваться и исследоваться в виде моделей. Также, по-видимому, в виде моделей и существовать⁴.

Непосредственным объектом предпринятого рассмотрения будут так называемые прецедентные (назовем их репрезентивные) тексты, а точнее один из них, – понятие, которое, отмечая идею интертекстуальности⁵ как общего свойства текста, традиции и культуры, обозначает тот их, т.е. текстов культуры, набор и вид, который имеет статус общей значимости, известен всем ее (традиции и данной культуры) представителям и составляет основу национального образа представлений интерпретаций, оценок, картины (образа) мира и может быть основанием (само)идентификации, распознавания и манифестации человека как его представителя. Репрезентивные тексты существуют в сознании в таком же виде, как скажем, мифы в сознании древних, т.е. в виде общих сюжетных схем и идей, тем более есть основания рассматривать их как модели.

Репрезентивные тексты как объект, в составе своем, отчасти подвижны и относительны. Существование их и актуализация для сознания сходны с существованием и актуализацией языковых единиц, единиц фразеологических, паремиологических, определяемых также как тексты и тексты-клише⁶, отмечая границы знания и владения говорящего как представителя и носителя определенной традиции, языка и культуры. Репрезентивные тексты, тем самым, репрезентируют, представляют его самого как носителя данного знания, данной коммуникативно-верификативной, аксиологической и когнитивной системы и репрезентируют, представляют ее самоё для него, будучи одновременно и средством познания, овладения и способом проявления для него.

Определение набора репрезентивных текстов для данной традиции и культуры может представить известную трудность. Непросто решить вопрос, учитывая подвижность и относительность, неочевидность границ, что составляет ядро, а что входит в периферию языкового сознания, что актуально в нем и в какой своей мере и для кого, имея в виду различия групповые, средовые, возрастные и проч. Тем более сложно определить, что из самих этих текстов, присутствующих в сознании в виде образов,

сюжетно-сценарных схем⁷, мотивов и самых общих идей, актуализированно и в каком своем виде для говорящих. Отчасти, по-видимому, всё это там присутствует без осознания и чётко означенного отношения, отчасти поверхностно, отчасти как общее мотивирующее, осознаваемое неявно. Актуализированность той или иной когнитивно-языковой, ценностно-верификативной модели может быть поддержана, видимо, ее регулярностью, повторяемостью, встречаемостью в разных текстах – ее интертекстуальностью.

Репрезентивные тексты – это и тексты фольклора, и тексты художественные, как собственные, исконные для данной культуры, так и переводные, являющиеся достоянием, общим для ряда культур, скажем, культур европейских. Общим условием, видимо, будет для них как для текстов репрезентивных, неразграничение в них своего и чужого и равно включающее, равно приемлющее отношение, – свойство, которое можно определить как высокую адаптивность по отношению к своим носителям (говорящим).

Рассмотрим один из подобных текстов, репрезентивность которого для русского языкового сознания не вызывает сомнений, с тем чтобы определить возможности, способы и вероятные следствия изучения этих текстов с позиции способных для них себя проявить ментально-ценностных ориентационных моделей носителей данного языкового сознания и данной национальной культуры. Предлагаемый анализ имеет характер предположительный, представляя собой попытку подхода, одну из возможных, к моделям подобных текстов.

В качестве материала был выбран текст известной русской народной сказки *Колобок*, вполне отвечающей всем критериям репрезентивного текста. Одна из особенностей данного текста, в отличие, скажем, от не менее всем известных и ходячих повествований о Красной Шапочке, Буратино, Волке и семерых козлятах, Репке, Гусях-лебедях, Лисе и Зайце, Карлсоне и др. в неочевидности его дидактизма, в неформулируемой оценочности и неясной морали. К разряду таких же ценностно не очевидных или даже сомнительных повествований можно отнести Теремок, Курочку-Рябу, Лисичку со скалочкой, Трех медведей, Лисицу и Журавля, Машу и Медведя, Медведя на липовой ноге и т.п.

Ценностная неочевидность такого текста дает, с одной стороны, возможность для допущений и поиска, с другой, и это было отчасти причиной выбора, позволяет предположить вероятность неявного, имплицитного, скрытого мотивирующе-моделирующего его присутствия, бытования, наличия, отражения в языковом сознании. Возможно, что некие схемы, шаблоны, автоматизмы и механизм

интерпретирующих реакций и проявлений, не вполне рефлекслируемые, не полностью осознаваемые языковым субъектом, имеют основой, не распознаваемой мотивацией усвоенные, известные с детства ментальностные модели, себя отразившие, воплотившие в данном тексте (репрезентивный текст не обязательно генерирует, производит их, он может их повторять, отражать, содержать в себе). Изучение такого текста с такой его стороны может позволить определить характер и облик наличествующих, но не вполне очевидных ментальных структур, парадигм, мотиваций, оценок для данного языкового сознания.

Не претендуя на столь глубокое и широкое обобщение, попробуем проанализировать текст *Колобка* в указанном отношении, с тем чтобы выявить некоторые возможные моделирующие и ценностные особенности данного текста в качестве только примера. Обобщения и выводы можно делать в контексте широкого свода репрезентивных текстов.

Для современного языкового сознания колобок – предмет не вполне понятный, поскольку не наблюдаемый, и в этом отчасти его привлекательность. Известно только, что это круглый шар и что он может катиться. Его создание, появление из муки и в результате жарения в масле имеет несколько отвлеченный характер. Всё это способствует его мифологичности и легкой персонафицируемости (ср. с трудом принимаемые сознанием Сахар, Вода, Хлеб – как живые персоны у Метерлинка).

Набор персонажей и всё смысловое пространство сказки довольно прозрачно делится на две части: домашнюю, внутреннюю, и внешнюю, за воротами, на дороге. Первая часть – старик со старухой и модели их действия. Вторая – лесные звери: заяц, волк, медведь и лиса и то, что они, со своей стороны, предлагают и производят. Связующим их, центральным звеном оказывается сам колобок, катящийся, круглый, от них убегающий. Основу сюжета сказки составляют четыре модели, представленные в последовательности, одна из которых, третья, полностью повторяется в трех персонажах (заяц, волк и медведь), а еще одна – четвертая и последняя, для лисы, образуется объединением предыдущих трех и проявляет себя как смешанная.

Первую модель – старика и старухи – можно определить как модель креатива, создания, в результате которой старуха создает колобок. Это модель предшества. Складывается она из шести последовательных, объединяемых попарно, событий, в которых старик играет роль каузатора, знающего и провоцирующего создание, а старуха – агента-действителя, умеющего и создающего: 1) старик просит > 2) испеки, старуха, ко-

лобок < 3) старуха отказывает («Из чего печь-то? Муки нету») > 4) «По коробу поскреби, по сусеку помети, авось муки и наберется» > 5) взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни две > 6) замесила на сметане, изжарила в масле, положила на окошечко постудить. Последовательность представляемых событий отмечает необходимые креативные фазы: не всё сразу является, необходимы усилия, знания и старания (что делать, где что и как раздобыть). Схема модели: (1 > 2) < (3 > 4) > (5 > 6).

Вторая модель может быть определена как модель разворачивания и ухода, обретения самостоятельности и независимости от старших (создателей), а также модель освоения, обретения пространства внутреннего, своего, а вслед за ним, за его пределами, внешнего. Эта модель складывается из десяти последовательно представленных фаз, этапов, следующих в цепочке одна за другой, в результате которых созданное (колобок) отчуждается, изолируется, обособляется от своих создателей и уходит от них (этот уход и сама такая возможность ухода – центральный смысл песенки колобка, и, тем самым, едва ли не сказки в целом): 1) колобок полежал-полежал – 2) да вдруг и покатился > 3) с окна на лавку > 4) с лавки на пол > 5) по полу да к дверям > 6) через порог в сени > 7) из сеней на крыльцо > 8) с крыльца на двор > 9) со двора за ворота > // 10) дальше и дальше (10 обособлено, поскольку предполагает не обозначенную проекцию внешнего, не своего, не освоенного пространства). 1 < 2 > 3 > 4 > 5 > 6 > 7 > 8 > 9 > //10.

Третья модель – модель контакта, встречи с чужим, несвоим, потенциально опасная, требующая умения ответить, не потеряться, уйти, неоднократно (трижды) успешно себя повторяющая, содержащая в схеме и смысле опасность увлечься, действуя неизменно (три раза уйдешь, пользуясь одинаковым способом, на четвертый – не распознаешь и, действуя, тем же, три раза удавшимся способом, попадешься). Модель состоит из семи последовательно организованных событий: 1) катится колобок по дороге < 2) а навстречу ему заяц (волк, медведь, лиса) > 3) «Я тебя съем» < 4) не ешь, я тебе песенку спою > 5) и запел > 6) и покатился дальше > 7) только заяц (волк, медведь) его и видел. (1 < 2) > (3 < 4) > (5) > (6 > 7).

Четвертая модель, смешанная, начинается и подготавливается как третья, тем же ходом и в тех же словах, но потом меняется, включая в себя, по фазам, признаки модели второй, но в обратном порядке (модель сворачивания), а по смыслу – модели первой, также в идее ее обратности (модель поедания, деструкции, уничтоже-

ния). Модель состоит из девяти непоследовательно разворачивающихся, прерывистых фаз: 1) катится колобок < 2) а навстречу ему лиса < 3) „здравствуй, колобок, какой ты хорошенький” || 4) а колобок запел > 5) какая славная песенка, сядь ко мне на мордочку да пропой еще разок погромче > 6) колобок вскочил и запел < 7) сядь на язычок да пропой последний разок > 8) колобок сдуру прыг < 9) а лиса – ам его – и скушала. (1 < 2) < (3) || (4 > 5 > 6) < (7 > 8) < (9).

В структуре четвертой модели, по сравнению с третьей, на третьей фазе происходит сбой, нарушение ожидаемого: вместо препятствования и заявления о своих намерениях со стороны лисы следует действие, квалифицируемое как приветствие, выражения удовольствия и внешняя бескорыстность. Переход к (4) поэтому со стороны колобка оказывается не обоснованным, не мотивированным: нет повода объявлять о своем уходе, поскольку лиса не говорит о присваивании, не претендует на колобка. Сопrotивление, противопоставленность, отказ колобка в третьей модели (зайцу, волку, медведю) оборачиваются обратным – колобок выполняет последовательно все действия, навязываемые, диктуемые ему лисой, становясь объектом манипулирования. Самостоятельность перед лицом прямого и сильного оборачивается в зависимость и подчиненность перед лицом неявного, скрытого. Делать и говорить – не одно и то же. Внешнее, объявляемое, явное со стороны не своего, чужого, в его пространстве, не то же, что скрытое, не объявляемое. Во внешнем невидимо, неощутимо присутствует, проявляет себя некий закон и предел обратности: препятствование преодолимо, способствование, благоприятствование таит опасность противоположного. Привычные поэтому, действующие в других и обычных условиях модели, знакомые, регулярные схемы могут в любой, не всегда ожидаемый, момент подвести. Если не придавать значения наблюдаемым изменениям и действовать по знакомой, не раз оправдавшейся и только собственной схеме, не включая схему другого, противоположного, того, с кем и с чем происходит контакт, можно легко оказаться в ловушке, стать объектом манипуляции и быть уничтоженным.

Анализ моделей репрезентивных текстов может иметь разнообразные следствия. На его основе возможно определение и выведение образа, типажа речевых, поведенческих и рече-поведенческих стратегий и тактик⁸; выведение и определение ценностных и верификативных норм (парадигм); характера, смысла интерпретирующего коммуникативного реагирования со стороны говорящего как представителя той или иной культуры, отсюда – возможности и особенности его понимания либо непонимания в ситуациях речи;

выявление особенностей существующих предубеждений, общественных мнений и предрассудков; определение образа, если шире, типологических и индивидуальных черт и особенностей данной картины мира. И, наконец, при глубоком и всестороннем, последовательно-системном исследовании, – определение облика данной, вербально выражающей (в художественных, публицистических текстах), национальной культуры, а также коммуникативных, коннотативных и смысл-порождающих особенностей данного языка.

2. Гуси-Лебеди. Пространство в фольклорном тексте мнимо. Это то, что преодолевают, то, что минуют проходя и что не задерживает на себе, как правило, внимание повествователя. Его проходят во времени нарратива мгновенно, длительность прохождения, преодоления его для героя обозначая обычно повторами, удвоением или лексически, обстоятельствами временной протяженности: *шли-шли, бежала-бежала, долго шел, долго брел* и т. п.

Пространство в фольклоре присутствует пресуппозитивно. Будучи составляющей модели устройства мира, оно исходно и в тексте отмечается точками, имеющими значимо повторяющееся и обусловленное значение. Пространство, иными словами, пунктирно, однако смысл его не сводится к обозначению промежутков и пунктов пересечения, прохождения, преодоления героем соответствующих мест, т.е. к поступательному, динамическому развитию сюжета и нарратива. Более того, пространство, как правило, неизменяемо статично и выступает в фольклорном тексте как некая внесубъектная, вневременная и постоянная данность. Данность преодоления-постижения, а не перехода и изменения.

Преодоление пространства в тексте вызывается часто необходимостью исправления случившегося вследствие нарушения героем объявленного запрета, поисками, вызванными утратой, необходимостью возвращения потерянного. Пространство заряжено знанием. Преодолевая его, герой обретает то, что он потерял, узнавая одновременно, выводя, некий смысл, содержащийся в точках – пунктирах модели. Пространство, тем самым, связано и обусловлено возвращением, обращением, освоением имевшегося, бывшего, данного, перед тем не освоенного. Герой, добывая утраченное и проходя для этого необходимые точки пространства, обретает новое для себя, изначально и до него известное родовое знание, становясь, тем самым, его носителем и полноправным вместе с тем представителем рода⁹.

Рассмотрим в этом «пространственном» отношении сюжет и мотивы известной русской фольклорной сказки «Гуси-лебеди», наблюдаемое преодоление пространства в которой связано с необходимостью возвращения утраченного-унесенного – младшего брата гусями-лебедями к баба-яге из-за темного леса. Причем в оговоренный временем срок, к возвращению родителей¹⁰.

То, что это текст инициации с характерным для него обретением родового знания в конце, помимо интересующих нас смыслов пространственных преодолений, а также других отличительных черт (*гуси-лебеди, баба-яга, печь, яблоня, молочная речка, кисельные берега* и т.п.), проявляет себя и на лексическом, номинативном уровне. В начале, до всех еще ожидающих ее перипетий, в доме с родителями, главная героиня обозначается словом *дочка*, без указания возраста, при таковом для брата: «у них (т.е. у родителей) *была дочка да сынок маленький*». С потерей, утратой брата – она же *девочка*: «*пришла девочка, глядь – брата нету!*»; в момент, когда она видит, т.е. находит, брата у бабы-яги, хватает и забирает его с собой, она фигурирует как *сестра*: «*Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла*». И, наконец, в самом конце, на заключительном своем этапе, спасаясь от гусей-лебедей в устье печи, она уже *девушка*: «*Съешь моего ржаного пирожка!*», – говорит ей печка. «*Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в устьецо*».

На всем остальном протяжении текста, помимо этих четырех, поворотных по своему смыслу фрагментов, героиня обозначается личным местоимением *она*, без какого-либо другого определения. Дочка – девочка – сестра – девушка, следовательно, не столько названия и обозначения героини, сколько роли и фазы, этапы ее, как иницируемого юного женского родового.

Дочка – она в родительском доме, в пространстве внутреннего защищенного своего. *Девочка* – в состоянии брошенной предоставленности себе самой, своему выбору, лишенная своего родового, поставленная перед необходимостью действовать, что-то предпринимать, передвигаясь в незнакомом, неведомом ей, внешнем, незащищенном и чуждом пространстве, с тем чтобы вернуть потерю, утраченное, свое для себя родовое. Путь этот сложен, чреват и, хотя ее родовому известен, для нее далеко не предопределен.

Сестра она – когда обретает утраченное, видит, находит и достигает его. Но надо еще спастись, уйти, не погибнуть, преодолеть отделяющее это место пространство в обратную сторо-

ну, вспять, вернуться в пространство защищенного родового с утраченным и обретенным, освоенным своим родовым. Если путь туда заключался в необходимости обнаружения скрытого места «хранения, содержания» братца (мертвым родовым – потому что бабой-ягой), и на этом пути правильно либо неправильно проходимые, преодолеваемые ей промежутки-места (*печь, яблонь, молочная речка с кисельными берегами*) имели значение для получения ею искомого знания, обнаружения скрытого «места братца», то обратный путь – это путь спасения либо утраты, но уже окончательной, грозящей потери братца, теперь навсегда. На этом пути невозможны оказываются ошибки, их исправления и случайности, возможно единственное и мгновенное действие – действие наверняка. И вместе с тем – это путь исправления, ибо то, что не сделалось, то, от чего отказалась она поначалу, мимо чего, не заметив, меряя меркой домашнего защищенного, родительской *дочки*, прошла, теперь, перед лицом и угрозой утраты, она, став *сестрой*, т. е. частью общего родового, не проходит, осваивает для себя и принимает, с тем чтобы получить защиту от амбивалентного и промежуточно чуждого несвоего. Только тогда, на этом этапе, она становится тем четвертым, *девушкой*, той частью и представителем своего родового, которому предназначено стать *невестой* («неведомой»), – и в своем, и в чужом родовом чужой.

Четыре этапа инициируемого женского юного родового протекают в трех пространственно разделенных частях. Отображаемая в тексте модель, как и всякая пространственно ассоциируемая и мыслимая модель¹¹, трехчастна. Пространство родового освоенного – *дом, двор, улица*. Пространство несвоего, амбивалентного и промежуточного – *чистое поле, поля* и все, что на них и вокруг. И пространство потустороннего, чуждого – *темный лес* и то, что предполагательно в нем, а может где-то еще, как не называемое определенно «*Вон туда-то!*» ежом, единственным указавшим *туда*, в это место, *дорогу*, к избушке на курьих ножках, в которой «*сидит баба-яга, морда жилиная, нога глиняная*» и где «*сидит и братец на лавочке, играет золотыми яблочками*».

Повествование начинается, собственно, с ограничения – запрета старшими. Мать (женское старое, опытное; показательно то, что в тексте родители обозначаются именно так, как старое, – «*Жили старичок со старушкою; у них была дочка да сынок маленький*»), уходя, говорит: «*Будь умна, береги братца, не ходи со двора*». Ум (умение, послушание, опытность) связываются с пространственным знанием: есть *двор* и есть *улица*,

пространство родового освоенного имеет две части – защищенную внутреннюю *дома-двора*, где возможно *беречь(ся)*, и незащищенную, потенциально опасную, внешнюю, *улицы*, где подобное или сомнительно или же невозможно. «*Старшие ушли, а дочка забыла, что ей приказывали; посадила братца на травке под окошком, а сама побежала на улицу, заигралась, загулялась*».

В ролевом отношении часть родового внутреннего также трехчленно устроена – старшие, старики, родители (1), дочка их, среднее, женское (2) и младшее, братец, мужское (3). Соотносимое с ними потустороннее изначально двучленно – баба-яга и ее гуси-лебеди (общее число совмещенной модели пять) – и для своего восполнения до числа три требует младшего родового (похищение братца). Пересекают пространство – разделяющее это и то – средние и подвижные звенья (гуси-лебеди / дочка), старшее (старики / баба-яга) остается в своих пределах, не попадая, не перемещаясь в противоположную часть, младшее (братец) – переносимо, но не активно и в перемещении своем между частями этого и того не самостоятельное. Симметрическое устройство противоположно расположенных частей модели этого и того (старшее – среднее // младшее // среднее – старшее) предполагает определение младшего (братца) как обращаемого центра. Пространственное перемещение его между частями модели обозначает своего рода энергетическое, силовое, обусловленное и поддержанное знанием-умением, перетягивание между этим и тем, живым, человеческим и мертвым, нечеловеческим.

Пространство амбивалентного промежуточного также обозначается тремя переходными вехами-пунктами: *печка, яблонь и молочная речка, кисельные берега*. Каждой из трех задается вопрос пространственной ориентации, вектора, направления прошивающего, пересекающего пространство движения: «*Печка, печка (яблонь, яблонь; молочная речка, кисельные берега), скажи, куда гуси полетели?*». Первое обращение к печке, яблоне и молочной реке обусловлено необходимостью знания – необходимо узнать о пространстве скрытого, потустороннего, о том, куда отправились, полетели гуси-лебеди, унесшие братца. Знание просто так не дается, знание выменивается, точнее осваивается, достигается через освоение, приобщение к другому. Хочешь узнать от другого – стань для него частично его своим. «*Съешь моего ржаного пирожка (лесного яблока; простого киселика с молоком), скажу*». Необходимо съесть то, что его (съесть его *моего*), тогда получишь возможность с ним говорить, от него узнать. Проводится параллель своего и чужого,

домашнего и полевого (ржаного, лесного, простого) – «*О, у моего батюшки пшеничные (и садовые; и сливочки) не едятся!*», – отвечает девочка, и этот ответ ее приводит к тому, что печь (яблонь, молочная речка) ей ничего не сказала.

Параллель пространственной знаково-когнитивной причастности, принадлежности и приобщения продолжается далее, на третьем уровне: братец, сидя на лавочке у бабы-яги в избушке, *играет золотыми яблочками*. Яблочки – садовые, лесные и золотые – отмечают, следовательно, место-пространство, принадлежат ему и обозначают его. Мотив съедания-поедания яблочка в сказке, мотив поедания в каком-то месте того, что связано с ним, с данным местом, принадлежит ему, отмечает его, предполагает изменение формы, превращение, обращение. У героя могут вырасти от того рога, он может превратиться в козла (козленка), героиня может заснуть непробудным сном, умереть. Состояние это, однако, преодолимо, минуемо. Обратное возвращение в прежнюю форму возможно и происходит обычно – через обмирание (умирание в обретенной форме) или съедание чего-то еще, какого-то нового плода как противоядия и вытеснения первому. Обратное возвращение вместе с тем оказывается не только простым обращением к прежнему состоянию, подобное возвращение сопровождается обретением. Герой (героиня) приобретает при этом – невесту (жениха), богатство, счастье.

Через знание-приобщение к месту, опосредуемое продуктом и знаком места (пищей его, плодом), таким образом, достигается знание-обретение по месту – то, что данное место с собой несет, что в себе содержит и что может дать (благополучие, удачную пару, состояние равновесия, достижение и покой). Преодоление пространства как достижение в данном случае для характеризуемой модели имеет смысл, следовательно, его «поглощение», через «поедание» в нем приобщение к нему.

Не приобщившись к амбивалентному промежуточному, знающему и способному это знание передать умеющему его получить, не поев ржаного пирожка, лесного яблочка, простого киселика с молоком, девочка ничего и не узнает. «*И долго бы ей бегать по полям да бродить по лесу, да, к счастью, попался еж*». Еж тоже знает, куда полетели гуси-лебеди с братцем, но он не требует ничего за свое знание взамен – круглый клубок, который катится и, разматываясь, указывает собой дорогу. Еж – связующее, сшивающее пространства, снабженное иглами существо, таинственный носитель потустороннего знания, спо-

собный помочь бескорыстно, на которого натываются уже за молочной речкой с кисельными берегами и после нее, пройдя, миновав ее, преодолев рубеж, отделяющий поле от леса, на границы поля и леса, промежуточного и потустороннего.

Пространство, отделяющее родовое внутреннее от потустороннего, пересекается, преодолевается четырежды (число этапов-ролей): дважды в одну сторону и дважды в другую – с перенесением похищенного (гуси-лебеди с братцем) и следованием за ним, поиском, желанием возратить его (девочка, без него, вслед за ним), и в обратную сторону, с обращением ролей, но также вначале и впереди с несением возвращенного (сестра с братцем) и ее преследованием с желанием отобрать, отнять унесенное (гуси-лебеди). Обладающее, несущее пересекает пространство первым, ищущее и преследующее, желающее вернуть, отобрав унесенное, идет, как второе, за ним.

Смена ролей и порядок движения, а также возможность, пересекая пространство, идти впереди с унесенным / похищенным (преодоление пространства в этом случае имеет смысл не только одно прохождение встречающихся при этом локально-пространственных промежутков и рубежей, но и обращение, переход на ту сторону, в противоположную часть модели), – всё это дополнительно усиливает значение самого уносимого, придает ему еще один смысл в отношении конкурирующих пространств модели. Братец, посаженный на травке под окошком, в момент похищения гусями-лебедями называемый *мальчиком*, подхватывается и уносится ими: «*Налетели гуси-лебеди, подхватили мальчика, унесли на крылышках*». Сам он, кстати, в отличие от сестры, имеет в тексте в зависимости от роли-позиции, не четыре, как она, а только три обозначения, соотносимые с ее тремя первыми: *сын* (коррелируемое с *дочкой*), *мальчик* (в момент похищения гусями и коррелируемое с *девочкой*, потерявшей братца) и собственно *братец*, по отношению к ней, как к его *сестре*. Нет четвертого, не называется он и не обозначается *парнем*, соотносимым с *девушкой*, поскольку это четвертое, инициированное, состояние в тексте только ее.

Так же подхватывается он и уносится пришедшей за ним и увидевшей его в избушке яги сестрой: «*Увидела его сестра, подкралась, схватила и унесла*». Он всегда, таким образом, воровски, с налетом, с подкрадыванием, похищается. Его можно и необходимо только украсть, невидимо отнять, отобрать у другого, лишив его, это другое, обладания им. Сам он при этом носитель, а не обладатель той силы, которая, заключаясь в нем, дает ум (*будь умна, береги братца*), в том числе и ум как умение,

способность преодолевать, пересекать пространство, отделяющее этот мир от того, живое от мертвого и обратно.

Если первое ее путешествие, путь туда, мотивировалось в отношении пересекаемых, минуемых ею промежутков пространства (*печки, яблони, речки*) необходимостью знания, узнавания вектора-направления пространственного движения (*куда гуси полетели?*), то обратный путь мотивируется другим уже отношением к месту – с позиции необходимости освоения и нахождения в нем, принадлежности месту и вхождению внутрь него.

Меняются при этом и роли самих необходимо осваиваемых пространств, *речка, яблонь* становятся каждая *матушкой, печка – судариной* (ср. типичное для свадебного фольклора, поставленное здесь в обратном порядке, поскольку печка ближе к дому и своему, обращение со стороны невесты к матери *сударыня-матушка*): «*Речка-матушка (яблонь, яблонь-матушка; судариныя-печка), спрячь меня!*». Спрячь, т. е. укрой собой, прими внутрь себя, сделай невидимой для потустороннего. Места, локативы амбивалентного промежуточного пространства становятся средствами освоения и вхождения, поэтапного попадания в мир земного и родового – внутрь своего. Только после того как она укрывается речкой *под бережок*, яблоней – *заслоняется веточками, прикрывается листиками*, в печи *села в устьецо*, – после этого только она получает возможность вернуться и прибежать домой, успеть прибежать, до прихода отца и матери.

И это второе теперь освоение для вхождения, прятанья внутрь, с узнаванием не одного только направления-вектора, но самих свойств скрывающего, способного поглощать, вбирать в себя, прятать, пространства-локуса, как места в нем нахождения и бытия, это экзистенциальное поглощение-знание предполагает и требует поглощения все того же взамен, своего продукта-плода, креативной, дающей жизнь и питающей части себя, – *съешь моего киселика! (мое лесное яблочко! моего ржаного пирожка!)*. И тут, в этом случае, другой возможности и другого пути уже нет, это вопрос экзистенции – или останешься, и достигнешь, и приобретешь, и войдешь, или отнимут и отберут, и не сможешь вернуться уже и войти, обратившись, домой, обделенный, лишенный витальной и жизненной силы. Сознание важности выбора заставляет переломить себя, и первый раз она – «*Нечего делать, съела*». Второй этап проходит привычнее и с пониманием смысла происходящего – «*Поскорей съела*». А третий – уже как достигнутое и необходимое должное: «*Девушка поскорей пирожок в рот, а сама в печь, села в*

устьецо».

Ожидающее пересечение, необходимость преодоления пространства в поисках унесенно утраченного, объявление утраченного – где-то в пространстве затерянного, спрятанного, невидимого, сопровождается кликом, криком. Односторонним, напрасным, поскольку не слышит другое, противоположное, то, кого ищут, не откликается, не хочет либо не может (либо то и другое) слышать. Не найдя братца, девочка *«Ахнула, кинулась туда-сюда – нету! Кликала, заливалась слезами, причитывала ... – братец не откликнулся!»*. Также и гуси, потеряв из виду ими преследуемых, спрятанных в печке, брата с сестрой, *«полетали-полетали, покричали-покричали и ни с чем улетели»*.

Пространство включается в перцептивные проявления человека. Человек перцептивно себя проявляет и ощущает в пространстве. Преодоление его, освоение, знание / незнание, обладание, ориентация в нем, умение находить, находиться, скрываться, прятаться, обнаруживать, видеть и слышать в нем обозначаются перцептивными формами слышания либо неслышания, крика-поиска, крика-пересечения, кликания, видения и невидения. Овладение пространством, умение находиться и ориентироваться в нем, локально-пространственное знание-прохождение трехчастной модели мира, как можно было увидеть из сказанного, и составляет, видимо, один из смыслов взросления как формы традиционной женской инициации.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Феномен, в последнее время ставший предметом внимания лингвистов, см., напр., работы: Friederici A.D. *Cognitive Strukturen des Sprachverstehens*. – Berlin, etc. 1987; Попов Ю.В. Проблема языкового сознания как лингвистическая проблема действительности языка // *Языковое сознание. IX Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации*. – М., 1988; *Роль человеческого фактора в языке*. – М., 1988; Герасимов В.И., Петров В.В. *На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII*. – М., 1988; *Язык и сознание: парадоксальная реальность*. – М., 1993; Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. – М., 1998 и др.

2. Предмет лингвокультурологических и лингвострановедческих исследований: Верещагин Е.М., Костомаров Н.Г. *Язык и культура*, 4-е изд. – М., 1990; Верещагин Е.М., Костомаров Н.Г. *Лингвострановедческая теория слова*. – М., 1980; *Методологические проблемы исследования этнических культур*. – Ереван,

1978; Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977; Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985; Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. – М., 1989 и др.

3. О соотношении языкового и когнитивного в языковом сознании см.: Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления. // Вопросы философии, 1977, № 6; Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

4. О моделях как об инвариантных образах мира, соотносимых с особенностями национальной культуры и языка: Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

5. Тороп П.Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам. 14. Вып. 567. Тарту, 1981; Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. – М., 1987; Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

6. Понятие, введенное и разработанное в связи с паремией как свернутым текстом-клише данной фольклорной и культурно-языковой традиции Г.Л. Пермяковым: Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей теории клише. – М., 1973.

7. Фреймовый подход для изучения сознания был предложен М. Минским: Minsky M.A. Framework for Representing Knowledge. // The Psychology of Computer Vision. New York: McGraw-Hill, 1975. См. также: Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. – М., 1987.

8. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М., 1986; ван Дейк Т.А. Когнитивные модели этнических ситуаций; Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989; Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1992; Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. – М., 1999.

9. Особенность фольклорной семантики, выведенная В. Я. Проппом для текстов волшебной сказки как текстов юношеской инициации: Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.

10. Текст анализировался по сборнику А.Н. Афанасьева: На-

родные русские сказки А.Н. Афанасьева в трех томах. Т. 1. – М., 1957 (№ 113).

11. Модель мира. О трехчастном устройстве ее см., напр., ст.: Топоров В.Н. Модель мира // Мифы народов мира. Т. 2. – М., 1982.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998.

2. ван Дейк Т.А. Когнитивные модели этнических ситуаций; Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений // ван Дейк Т.А. Язык. Познание. Коммуникация. – М., 1989.

3. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей лингвострановедения: концепция рече-поведенческих тактик. – М., 1999.

4. Верещагин Е.М., Костомаров Н.Г. Лингвострановедческая теория слова. – М., 1980.

5. Верещагин Е.М., Костомаров Н.Г. Язык и культура. 4-е изд. – М., 1990.

6. Гальперин П.Я. Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления. // Вопросы философии, 1977, № 6.

7. Герасимов В.И., Петров В.В. На пути к когнитивной модели языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М., 1988.

8. Зимняя И.А. Способ формирования и формулирования мысли как реальность языкового сознания // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

9. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. – М., 1987.

10. Категории искусственного интеллекта в лингвистической семантике. Фреймы и сценарии. – М., 1987.

11. Леонтьев А.А. Языковое сознание и образ мира. // Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

12. Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1992.

13. Методологические проблемы исследования этнических культур. – Ереван, 1978.

14. Мифы народов мира. Т. 2. – М., 1982.

15. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 томах. Т. 1. – М., 1957.

16. Национально-культурная специфика речевого поведения. – М., 1977.

17. Пермяков Г.Л. От поговорки до сказки. Заметки по общей

теории клише. – М., 1973.

18. Попов Ю.В. Проблема языкового сознания как лингвистическая проблема действительности языка // Языковое сознание. IX Всесоюзный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. – М., 1988.

19. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Л., 1986.

20. Роль человеческого фактора в языке. – М., 1988.

21. Сёрль Дж., Вандервекен Д. Основные понятия исчисления речевых актов // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. Теория речевых актов. – М., 1986.

22. Сорокин Ю.А. Что такое прецедентный текст? // Семантика целого текста. – М., 1987.

23. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурная специфика художественного текста. – М., 1989.

24. Сорокин Ю.А., Марковина И.Ю. Национально-культурные аспекты речевого мышления // Исследование речевого мышления в психолингвистике. – М., 1985.

25. Тороп П.Х. Проблема интекста // Труды по знаковым системам. 14. Вып. 567. – Тарту, 1981.

26. Язык и сознание: парадоксальная реальность. – М., 1993.

27. Friederici A.D. Kognitive Strukturen des Sprachverstehens. – Berlin, etc. 1987.

28. Minsky M.A. Framework for Representing Knowledge. // The Psychology of Computer Vision. New York: Mc-Gaw-Hill, 1975.